

УДК 94(47)
ББК 63.3(2)522-6

США И ПОЛИТИКА РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1870-х ГОДОВ

О.Ю. Семенцов

В статье рассматривается политика России в Центральной Азии в контексте российско-американских отношений 1860–1870-х годов. Эта тема, как оказалось, вызвала большой интерес у американской аудитории, во многом благодаря ее изучению американским корреспондентом Я. Мак-Гаханом и дипломатом Ю. Скайлером, которые оказались основными очевидцами российского вторжения в Центральную Азию. Их отчеты хотя и содержали в себе определенную критику в отношении методов управления российской администрации на местах и жестокостей русских войск, придавали политике России в регионе значение цивилизаторской миссии. Как следует из статьи, отношение американцев к российскому проникновению в Азию было предопределено рядом факторов, наиболее очевидными из которых были сочувственное отношение России к Гражданской войне в США, а также взаимное неприятие Англии.

Ключевые слова: Центральная Азия, внешняя политика, США, дипломатия, международные отношения, XIX век.

Несмотря на высокую роль, которую традиционно играли Россия и США на международной арене, история их взаимоотношений, тем не менее, содержит немало «белых пятен». Видимо, поэтому еще то и дело приходится сталкиваться с порожденным логикой «холодной войны» тезисом об извечной враждебности двух наций. Однако подобные аналогии между веком XX и веком XIX, на наш взгляд, недопустимы, особенно если речь идет о 1860–1870-х годах. Для национального развития каждой из двух стран данный временной интервал стал периодом огромной исторической значимости, для двусторонних же отношений он явился завершающим этапом самого длинного периода дружбы и сотрудничества России и Америки. Кульминацией российско-американских дипломатических связей указанного периода выступила сделка с Аляской в 1867 году. Неслучайно эта дата фигурирует в качестве хронологической границы даже в названиях работ таких именитых исследователей-международников,

как Г.П. Куропятник [2], Н.Н. Болховитинов [1], Н. Сол [17]. Продажа Аляски, казалось, открывала широкую дорогу для интенсификации сотрудничества двух стран в самых различных областях взаимодействия. В реальности же после 1867 г. наметилось постепенное снижение взаимного интереса России и Америки. Говорить о резком охлаждении отношений и, как следствие, о тотальном безразличии, по нашему мнению, было бы в корне неверным. Правильнее было бы сказать, что российско-американским отношениям 70-х гг. XIX в. был присущ циклический характер, когда периоды затишья вдруг сменялись практически шагами, направленными на интенсификацию контактов в самых различных сферах взаимодействия.

Так, наиболее ярким событием российско-американских отношений первой половины 1870-х гг. стал визит в США сына Александра II царевича Алексея с эскадрой российских кораблей, за которым последовало несколько относительно «спокойных» лет рутинной дипломатической жизни, лишенной пафосных событий периода 1860-х годов. С одной стороны, повышенному взаимному вниманию России и Америки не способствовала частая

смена американских дипломатических представителей при российском дворе. Так, после отставки Эндрю Куртина летом 1872 г. [6, л. 21] новый глава дипмиссии в Петербурге Ортт прибыл в российскую столицу только следующей зимой, однако осенью 1873 г. он неожиданно скончался. Сменивший его Маршал Джуэл возглавлял американскую миссию около полутора лет, после чего летом 1874 г. подал в отставку [18, р. 42, 49, 50]. Дипломат Бокер, назначенный на его место зимой 1874–1875 гг., в Россию прибыл только летом. С другой стороны, по объективным причинам в рассматриваемый период ни одна из двух стран не являлась внешнеполитическим приоритетом для другой страны. Казалось, Россия и США окончательно лишились общих точек взаимодействия, целиком посвятив себя решению собственных первостепенных проблем. Так, Соединенные Штаты были заняты урегулированием противоречий с Англией по поводу пиратских действий крейсера «Алабамы» в период войны Севера и Юга. Внимание Петербурга было сосредоточено на черноморских проливах и отмене обременительных положений Парижского договора 1856 года.

Но один из парадоксов, сопровождавших всю историю российско-американских отношений, как раз в том и заключался, что некая проблема внутривосточного характера одной страны совершенно неожиданно могла стать источником трудно объяснимого интереса для другой. Так было с Гражданской войной в США [4], так случилось и с политикой России в Центральной Азии, за успехами которой внимательно следили американцы. Этой проблеме нам бы и хотелось уделить внимание в данной статье. Причину повышенного интереса отчасти можно объяснить рядом внешних сходств между российской Центральной Азией и американским Западом: слабозаселенная и не имеющая четких границ, обитаемая в основном кочевыми народами, имеющими репутацию дикарей, она привлекала к себе внимание американских граждан, видевших в действиях российского правительства в регионе отражение собственной политики на западе и отчасти служивших оправданием их жестокости по отношению к коренному населению Америки.

Свое благосклонное отношение к экспансии России в Азии американская администрация стала демонстрировать еще в первой половине 1860-х годов. Так, в 1864 г. американский посланник в Петербурге К. Клей дал высокую оценку успехам российских войск в Азии, поставив их в один ряд с прогрессом, достигнутым Россией в сфере внутренних реформ: «Мир должен смотреть на ее успехи в Азии не с недоверием, а скорее наоборот – с удовлетворением. Новая жизнь должна прийти с запада, и Россия – единственная нация, которая может ее дать» [5, р. 288].

Положительная оценка Америкой политики России в Средней Азии не претерпела существенных изменений и в начале 1870-х гг., хотя, безусловно, тесное знакомство американских дипломатов с особенностями управления новой российской администрации выявило некоторые серьезные проблемы и повлекло за собой справедливую критику с их стороны.

Своей осведомленностью мельчайшими подробностями российской экспедиции в Азию западный мир во многом был обязан неутомимости военного корреспондента газеты «New York Herald» американца Януария Мак-Гахана и наблюдательности, непредвзятости и профессионализму секретаря американского посольства в Петербурге Юджина Скайлера, которые в марте 1873 г. предприняли рискованное путешествие в Хиву [18, р. 43].

Несколько слов об этих именах. Януарий Мак-Гахан олицетворял собой фигуру профессионального военного корреспондента нового времени, мобильного и хорошо разбирающегося в отправляемых сведениях, готового в сжатые сроки снабдить читающую публику западного мира эффективной, а главное точной информацией непосредственно с мест военных действий. Так случилось, что далекая Россия заняла важное место в его жизни. Еще в 1871 г. американской газетой «New York Herald» он был направлен в качестве специального корреспондента в Россию для информирования читателей о ходе предстоящего путешествия американского генерала Уильяма Шермана по этой стране [2, с. 138]. Здесь он познакомился с русской девушкой из аристократической дворянской семьи Варварой Николаевной Елагиной, которая вскоре стала

его женой. Но одной из самых ярких страниц биографии Мак-Гахана стала его командировка в Центральную Азию в 1873 г. вместе с русским экспедиционным корпусом, где у него завязалась дружба со многими будущими участниками русско-турецкой войны. О его бесстрашии ходило множество разговоров среди русских офицеров. Дипломат Юджин Скайлер, друг Мак-Гахана, вспоминал в своей книге, как тот, не зная дороги и местного языка, в одиночку пересек пустыню Кызылкум¹, за что и получил гордое прозвище «Molodetz!», что, по словам Скайлера, являлось «высшей похвалой из уст военных в таких обстоятельствах» [19, р. 33].

Не менее колоритной фигурой был и сам Скайлер. С 1867 по 1869 г. – американский консул в Москве, а затем – по 1875 г., секретарь американской миссии в Петербурге, он проявил себя не только как способный дипломат, но и как талантливый ученый и писатель. Он был первым, кто открыл для Америки имена Тургенева и Толстого, переведя на английский язык несколько их произведений. Он также стал первым американским дипломатом, посетившим российскую Центральную Азию [2, с. 111–112; 20].

Впоследствии именно этим двум людям суждено было сыграть главную роль в изобличении турецких жестокостей в отношении болгарского населения в апреле 1876 года.

Какой же предстала Центральная Азия перед взором этих двух американцев, глазами которых, по существу, западный мир и оценивал политику России в данном регионе? Ответ на этот вопрос способны дать материалы, оставленные после себя этими гражданами США.

Контрастируя с нарочито деловым стилем изложения Скайлера, доступные для понимания самой широкой публики заметки Мак-Гахана² о его путешествии по форме больше напоминали не отчет корреспондента о хивинской операции русских войск, а скорее заметки путешественника, в которых рассказы о военных действиях перемежались с описанием географических особенностей страны, специфики ее политического положения и социального строя. Особый акцент, сделанный на нравах, обычаях и понятиях почти неизвестных народов Азии, в среде которых вращал-

ся автор, наполнил сочинение Мак-Гахана атмосферой восточной экзотики. Пропитанные романтикой зарисовки из жизни местного населения сменялись у него сценами жестокостей, чинимых с той и другой стороны. Но даже сочувствуя участи женщин, стариков и детей, ставших самыми незащитными жертвами военной кампании русских, Мак-Гахан до самого конца остался непоколебим в своей симпатии к последним. Временами он настолько увлекался повествованием, что, излагая в мельчайших подробностях очередную операцию русских войск, забывал о своей роли стороннего наблюдателя и отождествлял себя с ними, используя личное местоимение «мы». Благоклонно отзываясь о большинстве нововведений новой администрации, общий успех хивинской операции он связывал с «уверенностью туземцев в непреодолимости русского оружия», которую смогли внушить хану подданные царя. Подчеркивая выдержку и прекрасную дисциплину русского солдата, более всего он восхищался офицерами, которые нередко делили с ним последний кусок пищи: «Да и теперь я не переменял своего первоначального убеждения, что офицеры эти были самыми славными малыми, с которыми судьба сталкивала меня в жизни <...> Сердце мое переполняется благодарности³ при воспоминании об их широком гостеприимстве. Я рад воспользоваться настоящим случаем, чтобы выразить им свою признательность; поблагодарить не только тех, с которыми я сошелся потом на самую короткую ногу, но и многих других, которых я даже не знаю по фамилиям, хотя доброту и щедрость их я испытал на себе, а дружеские их лица никогда не изгладятся из моей памяти» [3, с. 102, 120].

Частично причину такого уважения к себе мог объяснить сам Мак-Гахан: «Мой американский паспорт, – сообщал корреспондент, – был достаточною рекомендацией в их среде, как и в глазах всех русских, которых я до тех пор встречал» [там же, с. 88]. Действительно, в хивинскую кампанию американцы находились в более привилегированном положении, чем их европейские собратья. С одной стороны, в русском обществе укрепилось представление об американцах как извечных друзьях русского народа. С другой, – и на это обращал внимание сам Мак-Гахан, – суще-

ствовал приказ, запрещавший европейцам, не являвшимся подданными русского царя, вступать в Туркестанскую область, чтобы в случае их пленения избежать обвинений в адрес России, не сумевшей обеспечить безопасность иностранных граждан [3, с. 104]. Он, однако, не распространялся на американских граждан.

По сравнению с заметками Мак-Гахана, наблюдения Скайлера носили более критичный характер. От его бдительного взгляда не ушли ни непомерно высокие налоги по отношению к местному населению, ни попытки российских властей ввести систему управления, несовместимую с укладом жизни азиатских племен, ни злоупотребления отдельных военачальников, готовых идти на любые преступления ради военных наград.

Особо жесткую критику Скайлера вызвала практика продажи рабов на рынках Бухары, которая сохранилась де-факто после подписания торгового договора 1868 г. между Россией и ханством (он вовсе не содержал статьи о запрете работорговли).

Местные власти, встретив осуждение Россией рабства в любых его формах, официально заверили российское военное командование в полном прекращении работорговли. Неоднократные заявления российских купцов о продолжении открытой торговли людьми не встретили реакции со стороны генерал-губернатора Кауфмана. Тогда Скайлер за 700 тэнге (примерно 175 российских рублей) купил продававшегося на одном из местных базаров персидского мальчика и доставил его в Самарканд и Ташкент⁴, предоставив, таким образом, неоспоримые доказательства нечестивости местных бухарских властей, как раз в тот момент, когда Кауфман официально объявил об освобождении персидских рабов в Хиве. Только после этого громкого скандала с Кауфманом, который, кстати, расценил поступок Скайлера как личное оскорбление, были приняты меры, направленные на то, чтобы на деле покончить с постыдной практикой торговли людьми [8, р. 807–808]. Немаловажным будет отметить, что статья о запрете работорговли вошла в новый договор между Россией и Бухарой, подписанный 10 октября 1873 года. Сводить этот факт к единоличному участию Скайлера, наверняка, было бы преувеличени-

ем, однако, полагаем, скандал с персидским мальчиком сыграл в этом свою роль.

В общем и целом, американский дипломат, как и один из его предшественников К. Клей, одобрял политику России в Азии. Однако затруднения, связанные с установлением новой власти, он видел в нерадивости отдельных чиновников на местах, которым было поручено исполнение этой задачи.

Итог своим впечатлениям, полученным в Средней Азии, Скайлер подвел в подготовленном им для госдепартамента отчете⁵. Предполагавшийся первоначально как секретный, он, однако, был вскоре опубликован вместе с другими дипломатическими документами США и донес до широкой общественности факты мздоимства российской администрации на местах и доказательства неоправданных жестокостей по отношению к местному населению при свержении старых порядков. Однако, критикуя допущенные военным начальством многочисленные нарушения, Скайлер указывал на изначальную гуманистическую направленность правительственных мер, констатируя общее удовлетворение местных жителей теми переменами, которые принесла с собой новая администрация. «Несмотря на недобросовестность исполнительной власти, народ в целом очень доволен русскими порядками, находя их гораздо более приемлемыми по сравнению с теми, что существовали раньше; основное недовольство людей вызвано действиями отдельных лиц – чиновников и пр., которые изводят и обижают народ; однако очевидно, что непрерывная череда таких эпизодов не может не вызывать всеобщего недоверия по отношению к администрации» [10, р. 819].

Высокой оценки американского дипломата удостоились такие начинания местных властей в среднеазиатских ханствах, как строительство дорог и госпиталей. Особую похвалу Скайлера вызвала также веротерпимость местной власти, отказ от насильственного обращения местного населения в православие и предоставление жителям ханств полной свободы вероисповедания [ibid.].

В отличие от эмоционального и иногда поверхностного в суждениях Кассиуса Клея, некогда придававшего проникновению России в Центральную Азию значение высокой мис-

сии, призванной приобщить дикие азиатские племена к благам западной цивилизации и христианства, дотошный до мелочей и прагматичный Скайлер указывал на иную мотивировку действий царского правительства. Приводя убедительные доказательства убыточности военной кампании в Центральной Азии, дипломат решительно отвергал все доводы о наживе как первоочередной причине российской экспансии в Азии. По мнению Скайлера, присоединение Центральной Азии было продиктовано прежде всего военными, а не финансовыми причинами: «Прошлое убедительно доказывает, – говорилось в подготовленном им отчете, – что Туркестан не был и не станет в обозримом будущем самодостаточной территорией <...> и до тех пор, пока эта провинция будет признана ценной с военной и политической точки зрения, государство должно будет нести на себе бремя финансовых трат <...> И несмотря на то, что то и дело будут вспыхивать новые войны, русские будут вынуждены продолжать начатое дело: не из желания завоевывать, а в силу не зависящих от них обстоятельств. Ведь в подобных случаях всегда необходимо поддерживать престиж государства, не давая преимуществ соседним странам проявлением своей слабости или нерешительности» [10, p. 823].

«Разоблачение» истинного характера российской «миссии» в Азии отнюдь не изменило прежнего благоприятного отношения властей США к Петербургу. Официальную позицию Вашингтона применительно к политике России в регионе Скайлер предельно четко сформулировал тут же, в отчете: «В общем влияние России в Центральной Азии благотворно не только для жителей, но и для мира в целом. Наличие здесь противовеса расширению английского влияния в Азии полностью соответствует нашим интересам» [ibid., p. 823–824].

Таким образом, определяющим условием для взаимопонимания двух стран по-прежнему выступала непротиворечивость их внешнеполитических интересов. Именно в этом скрывался источник взаимных симпатий России и Америки. Попытки объяснить их красивыми фразами о схожести судеб двух стран и предначертанной им высокой цивилизаторской миссии скорее лежали в области

желаемого и смотрелись правдоподобно, пока интересы стран в том или ином регионе не вступали в противоречие. Тем не менее именно такие, основанные на параллелях утопические объяснения широко использовали в своем арсенале американские периодические издания, которые в конечном счете и формировали общественное мнение.

Американская пресса в целом одобряла политику России в Центральной Азии, с самого начала занимая отличную от Англии позицию, видевшую в действиях России угрозу для своих владений в Азии. Оправдывая экспансию России, «New York Times» писала: «Три великих ханства – Бухара, Коканд и Хива, которые фактически были поглощены Россией при нынешнем поколении, расположены на месте империй с высоким уровнем развития цивилизации <...> Некогда богатые и процветающие, данные территории, однако, погрузились в этот особенно безнадежный тип варварства, присущий периодам упадка мусульманского общества, задолго то того, как Россия пересекла киргизскую степь... На каждом этапе своего продвижения она заменяла наиболее ничтожные формы тирании системой управления, которая хотя и запятнана высокими мерками военных и жадностью чиновников, по крайней мере, является гарантией общественной безопасности и знаменует собой значительный шаг в сторону цивилизации» [11].

Любопытно, что сочувствие к России американская пресса объясняла не столько сочетаемостью интересов Петербурга и Вашингтона в Центральной Азии (хотя тот же Скайлер еще в конце 1860-х гг. высказал предположение о возможном возникновении в будущем торговой конкуренции между двумя странами в регионе), сколько обязанностью вернуть оставшийся за США долг за поддержку, оказанную Россией в годы Гражданской войны. «Несомненно, – сообщала «New York Times» накануне хивинского похода русской армии, – мотивы и действия великой дружественной нам державы не могут подвергаться критике или расцениваться исключительно с позиций, занимаемых ее противниками. Когда наша страна в сражениях отстаивала для себя право на существование, Россия решительно отвергла возможность совместно с Англией и Францией определять (за

нас. – *О. С.*), что будет являться добродетелью, а что нет. Поэтому благодарность и привычка играть по правилам обязывают нас отплатить России тем же» [12].

Осуждая навязываемое западной пресой мнение, объяснявшее политику царского правительства в Азии, в частности планируемый поход против Хивы, исключительно неумным стремлением к приобретению новых территорий и жадной военной славы, газета призывала принимать за истинное, ну или хотя бы за альтернативное западноевропейскому, объяснение, официально заявленное самой Россией [ibid.]. В соответствии с ним, главная цель царской политики, «после установления элементарных начал цивилизованной жизни», сводилась к «обеспечению максимально благоприятных условий для российской торговли посредством открытия свежих рынков и получения необходимых гарантий регулярных и мирных отношений с соседними странами» [ibid.].

Действительно, к 1868 г. Оренбург превратился в центр торговли хлопком, куда его доставляли караванами из Хивы, затем на повозках в Самару, а оттуда по Волге в Нижний Новгород, где он распродавался и затем по железной дороге доставлялся на хлопкопрядильные фабрики Москвы и других городов России [16, р. 98]. Таким образом, занятие русскими войсками центрально-азиатских ханств освобождало поставляемый отсюда хлопок от уплаты таможенных пошлин и стимулировало дальнейшее развитие торговых связей, делая регион более привлекательным и для американцев.

Вместе с тем американцы трезво оценивали реальный удельный вес азиатской торговли России и были далеки от его переоценки. Полагая, однако, что стремление Петербурга «контролировать торговлю четверти миллиона не слишком богатых людей, живущих в выстроенных из грязи домах, едва ли может считаться достаточным основанием для нарушения данного Англией обещания»⁶ (вывести свои войска из Хивы после того, как непокорный хан будет наказан. – *О. С.*), «New York Times» резюмировала: «Каким бы ни был конечный итог продвижения России, сегодняшние результаты подчинены интересам цивилизации и мирного прогресса» [13].

Затронутая выше тема русско-английских противоречий из-за Центральной Азии получила широкое освещение в американской прессе. Занимая сторону России, американцы пытались взять на себя роль примирителя между Лондоном и Петербургом, доказывая необоснованность военного противостояния двух великих держав. Так, журналист Мак-Гахан отмечал в своей книге:

«Мне неизвестен точный смысл соглашения между графом Шуваловым и лордом Гранвилем. По общему мнению, оно состояло в том, что Россия условилась не занимать территории на юг от Оксуса. Трактат (России с Хивой. – *О. С.*) показывает, что русские не нарушили своего обещания, но в то же время они подчинили себе хана и присоединили значительную часть его владений. Он теперь не может сделать шагу без разрешения русских <...> Такое положение дел для России гораздо выгоднее полного занятия страны, и мне кажется, что русские не заняли бы ее немедленно, если бы даже не были связаны обещанием, данным лорду Гранвиллю» [3, с. 294].

Мак-Гахан приводил убедительные доказательства того, что само географическое положение Хивы не дало русским никакого стратегического преимущества для занятия Индии, удаленной от ханства на многие сотни миль пустынной территории. «Я не из тех, – писал журналист, – кто верит в русскую традиционную политику завоевания относительно Средней Азии. Я не верю также, чтобы русские имели какие-нибудь виды на Индию. Они видят, что между их владениями и английскими есть свободное пространство территории, которое должно рано или поздно попасть в руки той или другой державы, и они не прочь присоединить себе, сколько удастся» [там же, с. 297].

Фактическим повторением его слов явилась и заметка в «New York Times». Абстрагируясь от каких бы то ни было моральных обязательств России перед Англией, газета констатировала объективную невозможность безграничного продвижения России в глубь Центральной Азии ввиду отсутствия необходимых коммуникаций, в частности, железных дорог: «Продвижение славян не создает ни малейшей угрозы для Англии или ее владений в Индии <...> Честолюбие, заставившее

царя Александра вторгнуться в этот безжизненный регион, могут свести вместе русских и английских генералов... в диких ущельях Афганистана. Но вопрос о завоевании или постоянном вторжении не будет рассматриваться ни одной из стран, так как игра не стоит свеч. Англия, наверняка, сама со временем осознает, что возможность столкновения из-за продвижения двух стран в Азии есть самая незначительная и что столкновение интересов минимально. Кроме того, мусульмане Индии, как и повсюду в мире – основные враги славян. <...> Это, конечно, исключает возможность союза русских с мусульманским населением Северной Индии для свержения британского господства». Суммировав выше-названные доводы, газета приходила к заключению: «Наиболее здравомыслящая часть английской общественности постепенно осознает, что предполагаемая зависть и противостояние между Великобританией и Россией не являются необходимостью и могут быть устранены продуктивной дипломатией» [7].

Таким образом, отношение США к политике России в Центральной Азии было представлено позицией официальной дипломатии, озвученной Скайлером, и близкой к общественному мнению позицией прессы, на которую, как нам представляется, оказывали влияние отчеты Мак-Гахана. Схожие в своем сочувствии к продвижению России в Азии и связывавшие с ней утверждение западной цивилизации во вновь присоединенных ханствах, две точки зрения отличались лишь степенью критического отношения к методам российской военной администрации на местах. Если Скайлер рассматривал действия подчиненных генерал-губернатора Кауфмана сквозь призму моральных норм, то цитировавшаяся уже «New York Times», например, как одна из влиятельных представительниц печатных СМИ, шовинистически превознося славянскую расу над «турецкой кровью и мусульманской религией», расценивала акты насилия над местным населением как необходимую плату за «в целом гуманистическое воздействие и поведение завоевателя» [ibid.].

Схожего мнения был и сам Мак-Гахан, в очередной раз ставший на защиту русских: «Хотя русские сражались здесь с варварами, которые совершали всевозможные жестоко-

сти над пленными, что в значительной мере могло бы извинить жестокость со стороны солдат, тем не менее поведение их было бесконечно лучше, нежели поведение других европейских войск в европейских войнах» [3, с. 280].

Надо полагать, в России ценили сочувствие американских коллег. В противном случае шокирующий своими разоблачениями отчет Скайлера, наверняка, поставил бы крест на карьере американского дипломата в России. Однако этого не произошло. Со стороны правительства не последовало ни одного официального замечания в адрес Скайлера, а сам император даже отклонил представленный генерал-губернатором Кауфманом план преобразований в Центральной Азии [18, р. 53].

Справедливости ради отметим, что недобрительный комментарий в российской прессе от Горчакова, которому пожаловался оскорбленный Кауфман, все же последовал. Но появился он лишь год спустя после подготовки Скайлером вышеупомянутого отчета, и содержал в себе лишь прозрачные формулировки, свидетельствовавшие скорее о личном неприятии канцлера персоны американского дипломата [15]. МИД явно не хотел повторения скандала с российским посланником Катакази⁷, и Скайлер продолжил выполнять свои обязанности вплоть до назначения его генеральным консулом в Константинополе в мае 1876 года [16, р. 100].

Американской прессе, однако, хватило и этого единственного неофициального комментария, чтобы обрушиться волной критики на Горчакова и российский абсолютизм в целом за попытку ограничить свободу слова официального представителя американского народа.

С одной стороны, отсутствие каких бы то ни было последствий для Скайлера американские СМИ расценили как проявление особого характера отношений между США и Россией. «Я полагаю, – отмечал специальный корреспондент «New York Times», – что если бы на месте Скайлера оказался какой-нибудь английский дипломат, его бумаги никогда не вышли бы в свет». Но, с другой стороны, нельзя не согласиться и со следующим утверждением газеты: «Если уж говорить об отчете, представляется весьма абсурдным винить

ПРИМЕЧАНИЯ

Скайлера за то, что он видел своими глазами. Если же у русских и имеются какие-то реальные основания для выражения протеста по этому поводу, то он скорее должен быть заявлен правительству США как неосмотрительному издателю, опубликовавшему документ, но не Скайлеру, добросовестному и правдивому репортеру» [15]. Как видим, газета была исполнена решимости раздуть замечание российского канцлера до масштабов межгосударственного конфликта.

Возмущенная заявлением Горчакова, «New York Times» в своей статье экстраполировала свой гнев на все российское общество⁸:

«То, что в одном очень важном отношении русские остаются варварами, – это факт. Я не хочу использовать это слово как оскорбление, и я знаю лучше, чем кто-либо другой, что русские создали большое количество поэм, новелл и комедий, многие из которых достойны уважения, что они талантливы в музыке и что некоторые из их художников выделяются своим природным талантом и приобретенным мастерством. Но они варвары в том отношении, что они не знакомы с той политической цивилизацией, которая допускает и даже приветствует свободную критику иностранных и своих собственных политических институтов» [ibid.].

Но даже несмотря на резкий тон газетных заметок, отношение американского общества в целом к завоеваниям России в Центральной Азии осталось в высшей степени благоприятным. Рядовые американцы продолжали проводить прямые аналогии между покорением малоцивилизованных центрально-азиатских народов своим заокеанским соседом и политикой собственной страны по захвату земель индейских племен. Дипломаты и деловые круги, имеющие более глубокие представления об исторических интересах Петербурга в Азии, не без основания полагали, что успехи царского правительства, в частности падение Хивы, будут иметь «сильное нравственное влияние на все магометанское население Средней Азии», покорение которой, выражаясь словами самого Мак-Гахана, «подтвердит уже сильно распространенную веру в непобедимость русских» [3, с. 296].

¹ Мак-Гахан, боясь не успеть к началу операции по присоединению Хивы, действительно отважился на такое предприятие: смело пробрался через пустыню и догнал русские войска под самой Хивой, когда только что началась осада этого города.

² Позднее они были объединены в одну книгу: [9], которая вскоре была переведена на русский язык.

³ Орфография сохранена.

⁴ Затем он перевез мальчика в Петербург, где тот жил как свободный человек в апартаментах Скайлера в американском посольстве под покровительством своего «покупателя».

⁵ Позднее, в октябре 1876 г., Скайлер издал книгу о своем путешествии в Центральную Азию под названием «Туркестан».

⁶ Поводом для начала похода на Хиву стал захват жителями ханства 21 российского подданного с последующей продажей их в рабство.

⁷ Катакази позволил себе в прессе оскорбительные высказывания в адрес президента Гранта, за что летом 1871 г. был объявлен персональной нон грата.

⁸ Судя по подписи внизу статьи – S. E. – и по тому, что она написана от первого лица, вполне вероятно, что автором мог быть сам Юджин Скайлер.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Болховитинов, Н. Н. Российско-американские отношения и продажа Аляски 1834–1867 / Н. Н. Болховитинов. – М. : Наука, 1990. – 367, [1] с.
2. Куропятник, Г. П. Россия и США: экономические, культурные и дипломатические связи, 1867–1881 / Г. П. Куропятник. – М. : Наука, 1981. – 373 с.
3. Мак-Гахан, Я. А. Военные действия на Оксусе и падение Хивы / Я. А. Мак-Гахан. – М. : Катков и К°, 1875. – 304 с.
4. Малкин, М. М. Гражданская война в США и царская Россия / М. М. Малкин. – М. ; Л. : Соцэкгиз, 1939. – 332 с.
5. Clay – to Seward, 27.06 1864 // Executive Documents Printed by Order of the House of Representatives. 1866–1867. – W., 1867. – 716 p.
6. Curtin – to Gorchakov, 29.05 (10.06) 1872 // Архив внешней политики Российской империи (АВПРИ). – Канцелярия. – Оп. 470. – Д. 37.
7. England's Jealousy of Russia // The New York Times, 02.12 1876. – Electronic data. – Mode of access: <http://www.nytimes.com>.
8. Jewell – to Fish, 31.12.1873 // Foreign Relations of the United States... – W., 1874. – 853 p.

9. MacGahan J. Campaigning on the Oxus, and the Fall of Khiva. – N. Y., 1874. – 438 p.

10. Mr. Schuyler's Report on Central Asia // Foreign Relations of the United States... – W., 1874. – 853 p.

11. Rumors of War from central Asia // The New York Times, 30.06 1874. – Electronic data. – Mode of access: <http://www.nytimes.com>.

12. Russia and Khiva // The New York Times, 18.04 1873. – Electronic data. – Mode of access: <http://www.nytimes.com>.

13. Russia and Khiva // The New York Times, 02.07.1873. – Electronic data. – Mode of access: <http://www.nytimes.com>.

14. Russia. Gen. Cauffman in Disfavor through Affairs in Turkestan // The New York Times, 24.03 1875. – Electronic data. – Mode of access: <http://www.nytimes.com>.

15. Russian Policy. Foreign Representatives and the Land of the Czar // The New York Times, 24.03 1875. – Electronic data. – Mode of access: <http://www.nytimes.com>.

16. Saul, N. Concord and Conflict. The United States and Russia, 1867–1914 / N. Saul. – Lawrence (Kansas), 1996. – 654 p.

17. Saul, N. Distant Friends: The United States and Russia, 1763–1867 / N. Saul. – Lawrence, 1991. – 633 p.

18. Schuyler, E. Selected Essays. With a Memoir by Evelyn Schuyler Schaeffer / E. Schuyler. – N. Y., 1901. – 364 p.

19. Schuyler, E. Turkestan. Notes of a Journey in Russian Turkistan, Kokand, Bukhara and Kuldja / E. Schuyler. – L., 1966. – 399 p.

20. Wikipedia, the free encyclopedia. Eugene Schuyler. – Electronic data. – Mode of access: http://en.wikipedia.org/wiki/Eugene_Schuyler.

THE USA AND CENTRAL ASIA POLICY OF RUSSIA IN THE FIRST HALF OF 1870s

O. Yu. Sementsov

The article dwells on the Russian policy in Central Asia in connection to Russian-American Relations of 1860–1870s. The theme proved to stimulate the interest of American audience due to investigations by American reporter J. MacGahan and diplomat E. Schuyler who turned out to witness Russian incursion into Central Asia. While giving some criticism both towards the methods of Russian administration on the spot as well as to Russian military atrocities, the reporters identified Russian policy in the region as the civilizing one. The article concludes American evaluation of Russian penetration into Asia to be in dependence on a group of factors, Russian sympathy in the Civil War and mutual aversion to England being the most evident.

Key words: *Central Asia, foreign policy, the USA, diplomacy, international relations, XIX century.*